

Мать говорила мягко, но её слабый голос, подобно струе прохладного родника, на время погасил бушующее в душе Шэнь Цы пламя ярости и отвращения.

— Цзинсу — такой внимательный мальчик. Специально взял отгул, чтобы приехать, говорил со мной так ласково, даже терпеливее, чем сиделки. Я просила его не утруждать себя, не отвлекаться от работы, а он лишь отмахнулся: сказал, что ему нравится слушать мои рассказы о твоём детстве...

Мать продолжала что-то щебетать в трубку, и в её голосе слышались лишь искренняя радость и привязанность.

Шэнь Цы сжал телефон так сильно, что костяшки пальцев побелели. Внутри него, подобно океану под натиском тайфуна, бушевала буря, но глубоко под водоворотом обнаружилась неожиданная, уязвимая трещина.

Лин Цзинсу.

В тот самый миг, когда он был изранен в кровь пятью годами лжи и предательства, это имя вновь ворвалось в его жизнь — без предупреждения, совсем не так, как он ожидал.

Не с расчётом и интригами, а с какой-то почти неуклюжей, чистой теплотой.

Он навещал мать. Он разговаривал с ней. Он помнил о её болезни и привозил новые витамины.

Почему?

Профессиональное милосердие, распространяющееся на родственников пациентов? Или всё же потому, что это мать Шэнь Цы?

Различные догадки вихрем проносились в голове, но в итоге осели одним ясным фактом: в самый грязный и невыносимый момент жизни Лин Цзинсу невольно подарил ему крупицу чистого утешения.

— Сяо Цы? Ты меня слышишь? — в голосе матери проскользнуло сомнение.

— Слышу, мам, — Шэнь Цы глубоко вдохнул, стараясь придать голосу привычное спокойствие.
— Он... хороший человек. Главное, что он тебе нравится.

— Нравится, конечно, нравится, — засмеялась мать. — Он такой основательный, совсем не то что ты — вечно суетишься, только заставляешь меня волноваться... Эх, если бы рядом с тобой был такой надёжный человек, как Цзинсу, я была бы спокойна.

Слова матери, сказанные невзначай, стали маленькой иглой, что тихо вонзилась в тот уголок сердца Шэнь Цы, о существовании которого он и сам не подозревал.

Он невнятно ответил на пару фраз, попросил мать отдохнуть и повесил трубку.

В кабинете снова воцарилась мёртвая тишина. Лишь разбросанные по полу бумаги напоминали о недавнем шторме.

Шэнь Цы не спешил их убирать. Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и позволил двум полярным чувствам столкнуться внутри себя.

С одной стороны — испепеляющая ярость и ледяная ненависть от осознания того, что пять лет глубоких чувств были лишь частью грандиозного заговора. Это пламя готово было сжечь его дотла.

С другой стороны — тонкий поток тепла от слов матери о холодном, сдержанном враге. Словно слабый луч света, пробившийся в безвыходную тьму: хрупкий, но упрямо существующий.

Фу Юньчжэн... Лин Цзинсу...

Обман и искренность, расчёт и чистота, тьма и слабый свет.

Как же иронично и ярко они переплелись в его нынешней жизни.

Долгое время он сидел неподвижно. Наконец, открыл глаза. Краснота ещё не сошла с белков, но хаос в мыслях был насильно подавлен и вновь скован ледяной решимостью.

Он нажал кнопку внутренней связи.

Секретарь Ван тут же вошёл в кабинет. Он не обратил ни малейшего внимания на беспорядок и почтительно замер:

— Господин Шэнь.

— Убери здесь, — голос Шэнь Цы вернул себе привычную холодность, став даже суше, чем обычно. — Не хочу, чтобы хоть слово о том, что здесь произошло, просочилось наружу.

— Понял. — Секретарь Ван кивнул и принялся молча собирать документы, включая те самые фатальные копии.

— Насчёт Фу Юньчжэна, — продолжал Шэнь Цы, не меняя интонации, — усиливай давление. Я

хочу, чтобы в течение двадцати четырёх часов он объявил о полном банкротстве. Уведомить все связанные компании и партнёров: кто посмеет подобрать хоть какие-то обломки бизнеса Фу, тот станет врагом Шэнь Цы.

Он хотел, чтобы Фу Юньчжэн потерял всё, как пять лет назад. Нет, даже хуже. Только так можно было хоть на малую долю утолить ненависть, терзавшую его сердце.

— Слушаюсь, — секретарь Ван ответил без колебаний, но тут же замялся. — А... что насчёт семьи Чжао?

— Семья Чжао... — в глазах Шэнь Цы блеснул холодный свет. — Пока не спугивай их. Втайне собирай всю информацию, включая те финансовые потоки пятилетней давности и подлинность всех доказательств, что предоставил Фу Юньчжэн. Я хочу знать, какую роль в этом сыграла семья Чжао и как глубоко они запустили свои руки.

Он не трогал их сейчас не из страха, а потому что хотел нанести один, но сокрушительный удар. В Юньчэне настоящим королём был дом Шэнь. А семья Чжао? Всего лишь крысы из сточной канавы, способные только на мелкие пакости исподтишка.

— Понял, я займусь этим лично, — секретарь Ван сложил последнюю папку на стол. — А... насчёт доктора Лина? Нужно ли...

— Его не трогай, — отрезал Шэнь Цы, и в его голосе проскочила резкость. — Занимайся тем, что тебе положено.

Секретарь Ван остро почувствовал необычное колебание в настроении босса и тут же опустил голову:

— Слушаюсь.

Когда секретарь вышел, взгляд Шэнь Цы невольно упал на телефон.

Он вспомнил Лин Цзинсу.

Вспомнил его прохладные пальцы, ясный, но отстранённый взгляд, легко краснеющие уши и... ту неожиданную нежность, которую он проявил, навещая мать.

Сильное, почти импульсивное желание нахлынуло на него — он хотел увидеть его. Прямо сейчас.

Не как пациент, не ради проверки или расчёта.

Просто хотел увидеть эту чистоту, почувствовать ту искренность, которая, казалось, была способна развеять любую скверну.

Он взял телефон и нашёл номер Лин Цзинсу. Палец завис над кнопкой вызова, но нажать её он так и не смог.

Под каким предлогом?

Повторный осмотр? Слишком натянуто. Поблагодарить за визит к матери? Слишком официально, будет выглядеть странно.

С каких пор он, Шэнь Цы, стал таким нерешительным и осторожным?

Раздражение вновь поднялось в груди. Он ненавидел чувство потери контроля, особенно когда причиной был врач, с которым он виделся всего пару раз.

В конце концов, он отшвырнул телефон, решив выбросить Лин Цзинсу из головы. Сейчас важнее всего было разобраться с Фу Юньчжэном и семьёй Чжао.

Он с головой ушёл в работу, пытаясь заглушить мысли горами документов и приказами.

Время шло. На город опустились сумерки, зажглись огни, но Шэнь Цы не собирался уходить. Лампы в кабинете светили ярко, как днём, отражаясь на его холодном, жёстком профиле.

Пока в желудке не возникла знакомая, острая боль.

Старая рана не зажила, сильные эмоциональные потрясения и отсутствие еды за весь день заставили желудок первым заявить протест.

Шэнь Цы нахмурился, машинально потянувшись к ящичку стола за таблетками, но нащупал лишь пустоту. Только сейчас вспомнил, что лекарства остались дома.

Боль усиливалась, на лбу выступил холодный пот.

Он стиснул зубы, не желая звать секретаря Вана в такой момент. В конце концов, смирившись, он взял телефон.

На этот раз без колебаний набрал номер Лин Цзинсу.

Телефон ответил лишь через несколько гудков. Раздался холодный, сонный голос Лин Цзинсу, в котором слышалась хрипотца:

— Алло? Кто это?

— Доктор Лин, — голос Шэнь Цы звучал значительно ниже и хриплее обычного из-за боли. — Простите, что беспокою так поздно.

На том конце провода воцарилась тишина на пару секунд — видимо, он пытался узнать голос.

— ...Господин Шэнь?

— Это я, — Шэнь Цы сделал глубокий вдох. — Мой желудок... мне нехорошо. Лекарства, которые вы прописали в прошлый раз, кажется, не помогают. Не могли бы вы... посмотреть меня ещё раз?

Оправдание было ещё хуже, чем в прошлый раз. Кто вызывает ортопеда из-за боли в желудке?

Лин Цзинсу на том конце провода явно опешил:

— Боль в желудке? Вам стоит обратиться в гастроэнтерологию или вызвать скорую. Я ведь...

— Я знаю, — перебил его Шэнь Цы, и в его голосе проскользнула редкая, даже им самим не замеченная нотка слабости и настойчивости. — Но я доверяю только вам. Доктор Лин, мне очень больно.

На последних трёх словах он почти неосознанно понизил голос, вложив в них невыразимое... чувство зависимости?

Сказав это, он сам замер от неожиданности.

На том конце провода повисло долгое молчание.

Такое долгое, что Шэнь Цы уже подумал, что Лин Цзинсу просто положит трубку.

А затем он услышал едва уловимый, полный вынужденного смирения вздох.

— Где вы находитесь?

<http://bllate.org/book/19433/1903683>